

Йоханн Шайнс (Johann Scheins)

Йохан Шайнс родился в 1920 г. в Аахене. Был призван в армию в 1941 г. и стал водителем грузовика в 16-й Танковой Дивизии, которая шла в авангарде войск, наступавших на Сталинград. В декабре 1942 г. его часть находилась в районе Гумрака, позднее она переместилась в центр города, где Шайнс был взят в плен 29 января 1943 г. В 1949 г. он был освобожден, вернулся в Германию, где не смог снова начать работать в течение двух лет. Позднее он работал водителем.

Какой эпизод в Сталинграде стал самым ужасным для вас? Можете вспомнить?

Страшное было время. Нам не нужно было стирать загаженные брюки, мы и не могли их постирать. Мы просто снимали брюки с мертвых и одевали на себя.

Вы клали в штаны из-за постоянных артобстрелов?

От страха. Мы были здесь, там были русские. Меня взяли в плен прямо в здании советской тюрьмы. Русские танки стояли там, где теперь находится памятник (имеется в виду монумент *Родина-Мать Зовёт*). Я бродил по зданию, просто было интересно, что же происходит. В последней комнате сидел генерал, на нем были фуражка и шинель. Стою у двери, за столом сидят еще двое, оба офицеры. Генерал молчит, и эти двое молчат. Я спросил: «Что нам теперь делать?» И тут входит строевым шагом унтер-офицер. Это был поляк, немецкий поляк. Он отрапортовал, что четыре танка Т-34 порвали телефонные провода и связи больше нет. Пришло время капитулировать. Генерал встал. Он поправил воротник, встал, достал револьвер, сказал: «Да здравствует Германия! Да

здравствует моя страна!», затем выстрелил себе в голову и повалился на стол. Из его головы вытекло что-то белое, знаете, как что-то вылезает из селедки, когда вы ее режете.... После этого я ушел и опять стал бродить из помещения в помещение.

Когда ты видишь что-то подобное, о чем ты думаешь?

Да мы видели вещи и похуже до этого, когда были в окружении. Человек может выдержать очень многое, трудно поверить, что он может вынести и выжить при этом. Человек – это самый опасный хищник на свете. Давайте расскажу. В другом углу здания был подвал в два этажа. На этаже под нами находилось двадцать семь раненых. Там был Юпп (Jupp) был из Ремшида (Remscheid), профессиональный боксер. Он был ранен в колено, а его икроножная мышца просто болталась на сухожилиях. Люди лежали на матрасах и соломе. Там был капитан, джентльмен из Гамбурга. Кажется, его звали Меппманн (Merpmann). Я уже не помню имен: мне скоро 90. У того парня было ранение в живот. Мы положили его на пол в нашем подвале. И тут неожиданно, где-то в 3.30 ночи появились два комсомольца, русский *Гитлерюгенд*. Они были в форме и в американских ботинках, на них были маскхалаты. Они были вооружены русскими автоматами – уникальное оружие. Из них можно было стрелять и стрелять [очень долго]. Парни заговорили: «*Chassy, chassy.*» Все наши снимали часы, и я свои снял. Они были на серебряном браслете. Я втихую бросил их на пол и наступил на них, но один из русских заметил это и ударил меня прикладом автомата. Затем они сказали нам: «Выходите на улицу, *poshli!*» Я и еще несколько парней сказали им, что здесь двадцать семь раненых, они не могут идти. Русские ответили, что их отвезут в госпиталь. Я спросил: «*Kakoe gospital?* Здесь нет госпиталя, здесь одни развалины.» - «Ты бандит, - закричали они.» Назвали меня бандитом... Я начал крыть их, появились еще русские. Мы вышли и вскоре услышали: тра-та-та. Они убили всех, все двадцать семь человек.

Это был тот день, когда вас взяли в плен?

Да, 29 января 1943 г.

Когда вы увидели Сталинград в первый раз?

Это было 19 августа. Тогда еще никто не добрался до Сталинграда. У нас был всего один бронетранспортер. Гроб на колесах. Впереди колеса, сзади гусеницы. Сзади была дверь. Не машина, а гроб без крышки. Нас в нем было трое, и мы заблудились по дороге из Песковатки в Калач. Расстояние между ними было 54 километра. Мы сказали друг другу: «Вот дорога на Сталинград.» Ну, тронулись, проехали дойку, едем и едем. Погода была отличная, русских солдат вокруг не было. Иногда по дороге попадались русские, направлявшиеся на работу. Уже ближе к Сталинграду мы видели людей, выходивших из здания какой-то фабрики... Попадались люди, говорившие по-немецки: под Сталинградом жило много поволжских немцев. Они-то и сказали нам: «Русские там.» Мы повернули назад, в свое расположение. Приехали, там оказались лейтенант Хохфельс (Hochfels) и другой парень – лейтенант Мельшутц (Melschütz). Ну и шум они подняли. Правда, они остались довольны тем, что мы привели назад бронетранспортер, тем более что это был последний целый. Ну, танк стоил миллион рейхсмарок, а солдат – листок бумаги. Таким было мировоззрение немецких офицеров, вот почему я до сих пор зол на них. Таким было большинство из них, понимаете?..

Русские были на противоположной стороне улицы от нас. Вновь и вновь мы слышали их громкоговорители: «Товарищи, переходите на нашу сторону! У вас будет горячая пища три раза в день, и вы будете спать с самыми красивыми девушками Москвы и Ленинграда.» Это то, что они говорили нам по-немецки. Говорили также: «Тащите сюда лейтенанта Х. Застрелите лейтенанта Y. Они [офицеры] – преступники. Хватит вам терпеть все это. Товарищи, переходите к нам!»

У нас был лейтенант Хохфельс. Мы его сами пристрелили, этого ублюдка. Его отец был протестантским пастором в Маннхайме, или нет, в Кобленце. После войны он заезжал ко мне сюда, во Флорис (Floris), но я не стал рассказывать ему, как погиб его сын. Этому парню было 24 года, местный предводитель *Гитлерюгенда*. Вроде, знал все на свете, а не мог зарядить карабин. И он должен был вести нас в бой... Так этот парень заставлял нас маршировать с полной выкладкой в 50 метрах от передовой, у русских на виду. Понятное дело, они нас видели и стреляли по нам. Совершенно бесчувственный человек. Как-то раз он высунул голову, и мы пристрелили его...

В наших руках было 700 русских пленных в деревне Буковская, рядом с Миллерово. Мы не знали, что с ними делать, и просто не хотели держать их рядом с нами. Пытались отправить их обратно на сторону русских, но они этого не хотели. Однако, мы и выгнали, и русские их всех перестреляли. Перестреляли своих, потому что они побывали в плену у немцев.

В одном из интервью вы сказали, что видели, как в последние дни окружения 200 или 300 немецких солдат спустились на лед Волги и подорвали себя. Вы это сами видели?

Да, я там был. Они знали, что русские хотят убить их. Эти парни собрались вместе и спустились к Волге с ручными гранатами. Они пробили во льду большую прорубь, метра три в ширину. Я стоял возле моста, вмерзшего в воду, и смотрел. Парни прокричали: «Да здравствует Германия!» и взорвали ручные гранаты. В воздух поднялся столб воды 10 или 15 метров в высоту. Две или три сотни человек исчезли.

И что вы подумали в тот момент?

Я всегда думал, что никогда не смог бы сделать это. Нет, не стал бы. Всех, кто сражался в Сталинграде, русские не смогли бы убить. Это было бы невозможно. Остальной мир не дал бы им сделать это. Это было невозможно, поскольку все еще шла война. Кого-то одного могли убить, но не 300 000 человек. И я сказал себе: «Ты этого не сделаешь.» Каждый вечер я говорил это себе. А русским я мысленно говорил следующее: «Вы забрали мою плоть, но я заберу обратно в Германию свои кости.» Весил я тогда всего 64 фунта.

В плену

На собрали на площади. 6 000 человек. Оттуда нас отконвоировали в Бекетовку... Там мы лежали вперемешку с трупами. В Бекетовке 45 000 человек умерли в течение 21 дня... Затем была Дубовка, там еще 34 000 умерло. Мы складывали их в штабеля: 8 человек с одной стороны, 8 – с другой. Между ними – пространство, где могли разъехаться две телеги. Потом нам пришлось класть сверху еще трупы. Вот так: *raz, dva*. Русским нравилось смотреть на это. Трупы разбухали и лопались с шипением. Нас поливало при этом желтой [трупной] жидкостью. Дело было в июне, было тепло. Разразилась эпидемия тифа. Так вот умерли те 34 000...

Шайнс показывает на открытку, отправленную им из лагеря. Она висит на стене в рамке.

Нам разрешали писать открытки в 24 слова. 25-м была подпись. Больше писать было нельзя. Дело было в 1946-м. Нам в награду вручили красный флаг от цементной фабрики «Большевик», крупнейшей в России. Мы тогда перевыполнили план.

Приезжал к нам как-то министр иностранных дел Вышинский. Толстый мужчина. Было это в 1947-м или 48-м. Вы знаете, я пробыл там до 1950-го. Ну, приехал он к нам на фабрику. Я тогда работал машинистом у печей [для обжига], регулировал температуру, которая доходила до 800 градусов. Приезжает министр, краснощекий мужчина. Я подхожу к нему и говорю: «Товарищ министр.» Спросил его, могу ли я послать домой открытку. А то у меня дома папа, мама, братья-сестры, и они не знают, где я. «Вы где служили?» – «В 16-й Танковой Дивизии.» – «Ого, *крепко*. Можно.» Потом

мне пришлось идти в политотдел лагеря, где меня сфотографировали. Фото пришили (?) к открытке сами русские. Открытка дошла от Москвы до Аахена за семь дней...

Первая открытка, которую Шайнс послал из лагеря домой

Вот книга. В 1947-м мне ее подарили. Подарил человек из Аахена, который раскрасил книгу и открытку. Потом он умер...

Вам разрешили взять эту книгу из лагеря с собой?

В ней записаны имена 108 человек, которые умерли. Я тайком вывез эту книгу. Она могла стоить мне жизни. При обыске [перед освобождением] они залезали пальцем в задницу и заставляли нас оттягивать крайнюю плоть. Ох и обыскивали нас... Затем, уже в Брест-Литовске, заставили открыть еще и рот, снять кепку, даже скальп прощупывали. Книга была у меня в вещмешке. В нем были мыло, буханка хлеба и маленькая книжка. Нас еще заставили раздеться и бросить вещи на стол. Я разделся, заткнул вещмешок в брюки и положил их на стол. Русские этого не заметили, затем я сказал «kholodno» и схватил брюки. «*Davai, следующий!*» Я схватил брюки и вышел...

Шайнс зачитывает стихи из книги:

ЦЕМЕНТНЫЙ ГИМН

*Там, где волжские воды катятся вдаль,
Меловые обрывы на солнце блестят,
Черный дым стремится затмить белый свет,
И все это из-за тебя, проклятый цемент*

*Там, где серые кучи отвалов лежат на полях,
Там, где отовсюду клочьями рвется серый пар,
Где ты так одинок, где весь мир далеко от тебя,
Это серое место зовется «Завод Большевик».*

*Там, где пленные катят и катят тяжелый свой груз,
Там, где труд – это общее счастье во благо для всех,
Там, где ты погружен по колени в зыбучий цемент,
Там те серые стены, которые мне не забыть никогда.*

*Там, где воздуха нету, а есть только пыль,
Там, где сотни проклятий ты вынужден слышать день ото дня,
Там, где твой дом - серые стены,
Там, где каждый мечтает лишь о скором конце.*

*Если плен этот кончится, если свобода придет
И в сиянии своем вернет меня в прежнюю жизнь,
Я всегда буду помнить весь этот волжский кошмар,
Я тебя не забуду, проклятый цементный завод.*

(Перевод Нины Черновой)

Я благодарю господу за то, что вернулся домой. Год я провел в клинике, в Бонне, потому что страдал от хронической малярии. А когда вышел из клиники, 54 раза подавал заявления о приеме на работу в районную администрацию. Потом перебрался в Basfelde (?-ВК), что в Сааре. Там работал на угольной шахте. Боссом там был Фален (Falen), друг моего отца. Когда-то мой отец смотрел за его лошадьми, прибывал им подковы и т.д. Я работал там слесарем по металлу. Так вот, Фален сказал: «Ты не должен работать на угольной шахте. Лучше иди работай на районную администрацию.»

Кадровик сказал мне написать резюме. Я ответил: «Я уже присылал вам его. Восемь лет в школе, потом Россия. Был солдатом. Теперь я здесь.» Он ответил: «Они ищут водителя. Начнете работать водителем. Утром поступаете в подчинение доктору Вюншеку (Wunschek). То есть, в субботу – они еще и по субботам работали. Вюншек, административный директор района, сказал мне: «Можете начинать работать в понедельник. Безо всяких заявлений о приеме.»

Вюншека все боялись. Неприкасаемая была личность. С ним невозможно было вести себя по-дружески. Я был единственным человеком, который мог схлестнуться с ним, если на это была причина. Как-то, сидя в машине, я сказал: «Доктор, то, что вы говорите нам, от нас вы и услышите.» Он отвечает: «Оставьте меня в покое!» - Я ему: «Вы все это услышите от нас.» - «Да как вы смеете!

– «А это голос людей.» Вот так вот было... Потом мы как-то получили номерной знак с буквами GK по названию городка Гайленкирхен (Geilenkirchen). Это был Мерседес. Он говорит мне: «Теперь вы водите новую машину, GK-A1. A1 ... Как вы думаете. Что это означает?» - Говорю ему: «Херр Доктор, я не хочу номерной знак A1.» – «Что так?» - «Вы знаете, что это означает? Полоумный м...к №1» [по-немецки: Geisteskranker, Arschloch Nr. 1]. Так он потом ходил и всем рассказывал о том, как я о нем отозвался. Так вот я высказался за всех...

Видите ли вы Сталинград во сне?

Все это всплывает в памяти. Всегда перед Рождеством. Жуткое дело. Рождественские дни были самыми тяжкими из всех, проведенных в плену. Накануне Рождества русские приходили к нам в 10 вечера. Нас пересчитывали. Затем нам приходилось выходить из помещения – очень быстро. Чуть ли не босиком, в носках. Мороз -20-30. Мы стояли на морозе в наскоро одетых ватных телогрейках, при этом нам полагалось сгруппироваться в пятерки. Потом нас начинали пересчитывать. Перечитают, уйдут в комендатуру бухать. Вернутся через час, опять прикажут пересчитать всех. Так и считали, начиная с 10 часов до 2-3 часов ночи. Вокруг охранники с карабинами. Сначала один из нас свалится от холода, потом другой, потом 10, 12, 16 человек... По-разному бывало. Этим полагалось класть на землю перед строем. *Zavtra utrom* для них все будет кончено. Они станут трупами. Живые возвращаются в барак, замерзающие остаются на земле: нам не разрешали затаскивать их обратно. *Posmotri!* Где же ты был, господи? Ты все это видел...

Несколько раз меня приглашали посетить Сталинград, но я определился – меня там никогда больше не будет. Когда я рассказываю об этом сегодня, мне никто не верит. Ни одна живая душа. Не верят в то, что мы ели [срезанные с трупов] ягоды...

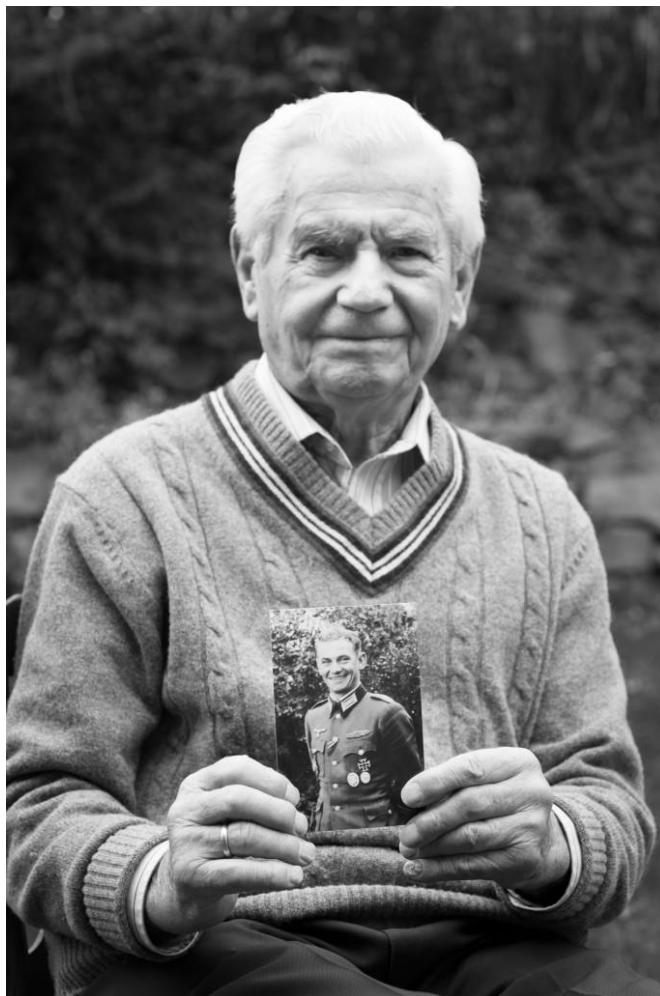
Эрих Кляйн (Erich Klein)

Эрих Кляйн родился в 1919 г. в семье чиновника железнодорожного ведомства в городе Арнсвальде (Arnswalde) ныне расположенном в Польше. После окончания гимназии в 1937 г. он был призван в армию. В сентябре 1939 г. он стал кадровым военным, получил офицерское звание и сражался в составе 60-й пехотной Дивизии во Франции, Югославии и в Советском Союзе. В период Сталинградской битвы его дивизия удерживала позиции на северных окраинах города.

В ноябре 1942 г. Кляйн получил двухнедельный отпуск. После возвращения на фронт, он узнал о том, что 6-я Армия попала в окружение. Он получил назначение в танковую армию, которая предприняла безуспешную попытку прорваться к окруженным войскам. В январе 1945 г. командир батальона Кляйн, награжденный к тому времени Германским Золотым Крестом, попал в советский плен в Будапеште, после чего проработал четыре года на угольных шахтах Донбасса. В 1949 г. он был обвинен в военных преступлениях и приговорен советским военным трибуналом к 25 годам тюремного заключения. В 1953 г. он был помилован и вернулся в Германию. Он уже почти не мог ходить, но, частично восстановив здоровье, в 1962 году вступил в Бундесвер в чине майора запаса. Единственный брат Кляйна погиб на Восточном фронте.

Когда я окончил среднюю школу в 1937-м, я намеревался получить дальнейшее образование и начать работать [инженером] в Штеттинском порту и заниматься его реконструкцией. Так я видел будущее. Перед этим я хотел отслужить в армии, чтобы потом отучиться в университете, не

прерываясь. Во время службы в армии, когда происходили все эти [известные] события, я начал карьеру [профессионального] военного по воле моего командира! Он сказал: «Дорогой Кляйн, офицерский корпус считает, что из вас может получиться хороший профессиональный офицер.» Когда я уставился на него в шоке, он сказал: «Нам нужна ваша подпись и также подпись вашего отца.» Видите, парни моложе 21-го года не имели права принимать такое решение в одиночку.» Так я начал карьеру офицера, в 20 лет стал лейтенантом, в 22 – обер-лейтенантом, а в 24 – майором и командиром батальона.

Неожиданно нас отправили в Россию. Это была другая война, совершенно другая... Куда более агрессивная, в ней не было ничего человеческого. С самого начала мы видели трупы людей с отрезанными гениталиями или головами, с выколотыми глазами – на Западе такого не случалось.

Вы видели это собственными глазами?

Да, я видел это собственными глазами. Еще я видел женщин-солдаток, которые зарывались в землю, они не сдавались в плен, они сражались до последнего патрона. Невероятно, настоящие фанатики. И это были женщины! На Западном фронте такого и в помине не было. Женщины в бою – там такого не было. А позднее были партизаны. Люди ходят неподалеку, одеты в гражданское и вдруг стреляют в тебя. И женщины среди них, что тут сделаешь. Это было где-то в середине войны, в 1943-44 годах. Все было настолько жестоким, что мы говорили: «Здесь никто не знает, кто из них – вооруженный противник, и кто пришел прокатиться с тобой. Трудно было что-то понять...»

Кем были для вас люди по ту сторону фронта? Вы видели в них большевиков?

Они были противником. Я не видел в этом никакой политики, они были врагами, к которым у меня не было жалости, потому что они ни во что не верили, потому что их заставляли воевать силой. Они не имели права отступать: они должны были стоять насмерть или наступать, не щадя пленных... Единственной надеждой было то, что война на Западном фронте прекратится.

Кляйн рассказал о своем участии в боях в составе 6-й Танковой армии, пытавшейся прорваться к окруженным в Сталинграде войскам. После того, как попытка не удалась, он понял, что вновь объединиться со своими товарищами из 60-й Пехотной Дивизии ему уже не придется:

Разочарование было страшным. Это означало, что я навсегда был отрезан от своего родного подразделения. Знаете, как будто потерял свой причал...

... В 1944-м у нас было чувство, что должно произойти какое-то политическое событие, что нам нужно будет скооперироваться с западными державами и остановить Советский Союз с его большевизмом. Была одна надежда на то, что на Западном фронте окончатся бои, и мы выступим с ними за общее дело: ни мы, ни они не хотели большевизма. Европу нужно спасти от всех этих жестокостей, но этого не произошло. И так всему пришел конец...

Чем для вас был большевизм, против которого вы сражались?

Большевики считали так: мы хотим освободить весь мир от капитализма. Дорога будет трудной, но мы должны ее пройти. В конце концов, придет Золотой Век. Так думал Сталин. А на этом пути все должно быть разрушено до основания, все, попадающееся на пути.

В декабре 1949 г. Кляйн и группа немецких военнопленных была приговорена Советским Военным Трибуналом к 25-летнему заключению.

25 лет – конечно, это было шоком, мы просто потеряли дар речи... Все отобрали, состригли волосы... мы превратились в других людей, мы перестали быть человеческими существами.

В плену главным был дух товарищества – это было то, что поддерживало наши силы и не позволяло сдаваться. Не работа, не еда, не то, что попадало к нам из внешнего мира – небольшая посылка и что-то там еще – все это были крохи, а наш дух товарищества заставлял нас держаться.

А во время войны дух товарищества был так же важен?

Точно так. Один за всех, все за одного.

Когда я вернулся из плена, мне задавали те же вопросы, которые вы задаете мне сейчас. Я подробно отвечал, но потом стал замечать, что люди умолкают или говорят что-то типа «бедный мальчик». Мне это не было нужно. Потом я стал отвечать очень кратко и немедленно переводить беседу на другие предметы.

Здесь мы начинали жизнь с нуля. Когда я вернулся из плена, у меня не было вообще ничего. Даже не было документа, доказывающего, что я – Эрих Кляйн. Все пришлось собирать заново, понемножку.

Для меня жизнь военного завершилась с окончанием войны. Началась жизнь военнопленного. Мне и в голову не приходила мысль вновь стать солдатом, может даже наемником. Позднее, в Бундесвере, я сказал себе: «Прекрасно, что снова существует уважаемый офицерский корпус, что сохраняются традиции, которые мы поддерживали в Вермахте, хорошие традиции.» Однако Бундесвер не получил такого уважения и статуса в обществе, какое имела армия до войны или даже до Гитлера.

Вас преследуют кошмары, связанные с воспоминаниями о войне или плене?

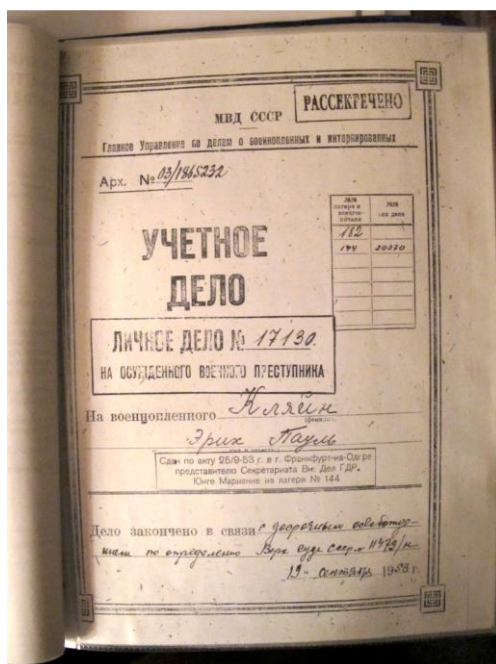
Да, иногда. Но я сразу же пытаюсь уйти от этого. Я концентрируюсь на чем-то другом, я не хочу застревать в прошлом, поскольку в противном случае эти размышления выходят из-под контроля. Я заметил, что это произошло с некоторыми моими товарищами, которые не могут уйти от всего этого. Они просто сгнули. Они говорили так: «Я жив, но эти воспоминания загоняют меня в такую депрессию, что я уже не могу из нее выйти – мне кажется, что я все еще там, я не могу с этим справиться...» Потом они сдавались, а кто сдался, тот пропал. Мне досталось так же, как и другим. У нас голове колесико, которое дает нам возможность что-то вспоминать, но я всегда старался изо всех сил повернуть его назад и закрыть дверь в прошлое.

То, что ты пережил, включая трагический опыт, все это строит фундамент. Иначе не выстоишь. Жизнь – это действие, действие, нацеленное на что-то, а не пустая трата времени. Плен – это потерянное время. Это уже не ваш мир, ты – заключенный, ты уже тот, кем ты был, ты просто должен выполнить свою норму и ничто другое не имеет значения. Чтобы вынести все это, ты должен думать о хорошем, о живом. Но было много тех, кто поступал по-другому. И им невозможно было помочь...

Ваши дети интересовались тем, что вы пережили?

Нет! Они не могли представить себя в такой ситуации. Они знают мою биографию, но они не задают вопросов, не спрашивают о том, что я пережил на фронте или в плену. Они не могут это переварить, понять. Они знают, что мне пришлось тяжело, но сами из-за этого не переживают, а я и не хочу, чтобы они страдали.

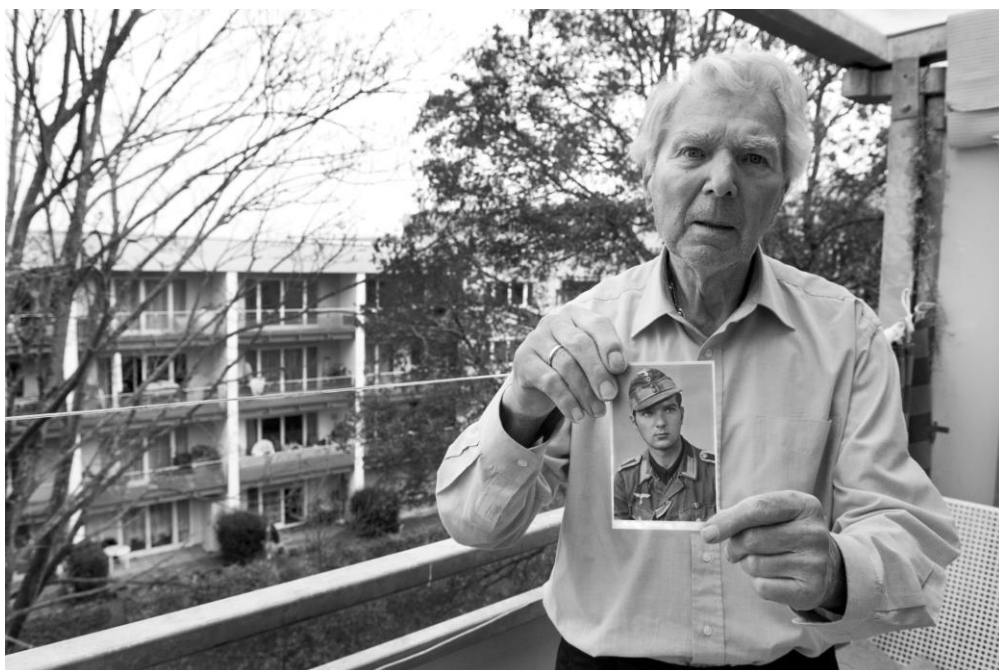
В апреле 1992 г. Кляйн написал Военному Прокурору РФ прошение о реабилитации. В стандартной форме для прошения, которую он получил от российского посольства, был пункт: «Статья, на которой был основан приговор». Кляйн вписал сюда следующее: «Без обвинения и предоставления юридической защиты.» Через два с половиной года Генеральный Прокурор РФ сообщил Кляйну о его реабилитации. В 2002 г. Кляйн получил свое дело из российского военного архива. 13-тистраничный документ включал в себя формулировку обвинения в том виде, в каком оно было предъявлено в декабре 1949 г. В нем указано, что Кляйн был капитаном 60-й Пехотной Дивизии, которая сражалась в районе Львова, Житомира, Сталинграда, Витебска и в других местах. «Военный трибунал признал Кляйна виновным в разрушении деревень и городов германскими войсками...» в соответствии со статьей 17 Уголовного Кодекса РСФСР и параграфом 1 Указа Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.

Кляйн оставил после себя записки. Они начинаются со следующих слов: «Я не хочу переживать свою жизнь заново. Я хочу наслаждаться сегодняшним днем. Прошое пускай останется в прошлом, но трудно стряхнуть с себя 8 ½ лет, проведенных в советском плену...» Записки кончаются следующими словами: «Будучи одним из тех, кто вернулся поздно, в 1953-м, я заявляю о своей благодарности судьбе за то, что принадлежу к поколению солдат Вермахта, которые доказали всему миру, что они могут вести себя на войне в соответствии с международным правом. Меня задевают эти катастрофические представления, которые типичны для некоторых слоев нашего общества по отношению к солдатам, служившим в Вермахте. Мы должны быть осторожными в создании общественных настроений. Все в мире является божьим даром. Важными остаются память, восприятие прошлого и предостережения, в которых всегда есть радость, любовь и надежда на то лучшее, что ждет нас впереди.»

Хайнц Хун (Heinz Huhn)

Хайнц Хун родился в 1920 г. в городе Рохлитц (Rochlitz, Саксония). По профессии официант, он был призван в армию в 1940 г. Хун служил артиллеристом в 94-й Пехотной Дивизии, которая дислоцировалась во Франции, а в июне 1941 г. была переброшена на Восточный фронт. В Сталинграде он принял участие в штурме фабрики боеприпасов Красные Баррикады. 8 ноября 1942 г. он был отправлен домой в отпуск. Вернувшись на фронт, он оказался в танковой группе Гота, которая предприняла попытку прорвать кольцо окружения. В марте 1943 г. его часть оказалась в Италии. Он попал в плен к американцам в 1945 г. и был освобожден в 1946-м. Позднее работал официантом в городе Висбаден.

Во Франции я покупал чулки и посылал их своей маленькой подруге и своей матери. Женские чулки... В Германии их уже было не купить. Россия стала для нас настоящим шоком. Во Франции наши парни говорили: «Отправляемся в Россию, у них есть ветчина из медвежатины...» Они думали, что в России всего полно, думали, что Россия будет такой же, как Франция. Но то, что ждало нас там, оказалось настоящим шоком. В России столько открытых пространств, расстояния огромны. Калмыцкие степи нагоняли на меня тоску, но мы были так молоды. Знаете, для нас это тогда было, вроде как приключение...

Во время наступления мы вошли в городок, название которого я забыл. Я постоянно маршировал рядом с пушками. На обочине стоял высокий человек с приятной внешностью... Он посмотрел на меня и сказал: «Паренек, пойдём со мной.» Я подумал: «Что ему надо?» А он показал на большую карту – должно быть, это был школьный учитель – и сказал мне: «*Bolshoi, russky, bolshoi! Nemets malenko, malenko.*» По сути дела, он говорил следующее: «Всю Россию вы не завоюете.» Вообще, я выучил много русских слов за годы, которые провел в России. Сначала я выучил: «*Pozhalsta, khleba, yaitsa.*» Затем еще немало других.

Сталинград стал для меня страшным опытом, потому что там погибли все мои товарищи.

Хун показывает фотографию из альбома: «Это мой товарищ Майер (Meier).»

Когда я уезжал в отпуск, я попрощался с ним и сказал: «Хун, дорогой мой, когда вернешься, привези мне то и это.» У всех у них были какие-то пожелания относительно того, что им привезти. Например, кремни для зажигалок, зажигалки, если такие еще найдутся дома. Но я никого из них больше не увидел. Я вернулся из отпуска, но к ним, внутрь кольца окружения, уже не попал. Вот фото унтер-офицера по имени Майсснер (Meissner). Он погиб. Вот этот человек потерял ногу. Он служил оружейником. Из всех остальных артиллеристов, служивших вместе со мной, никто не выжил. Они все погибли в России... Иногда я чувствую себя виноватым в том, что выжил.

Хун переворачивает страницу фотоальбома.

Видите, снег, поля. Вот несчастные лошади. Их стегали и гнали вперед... Мы были молодыми парнями, у всех дома были пожилые родители. Но мы особо не задумывались ни о чем, в отличие от людей постарше – те иногда плакали. Я видел, как плачут мои товарищи. Они плакали, если лошади получали ранения, когда нас обстреливали низко летящие русские самолеты. Если лошадь получала ранение в голову, она не падала, как человек, она продолжала стоять, дрожа и истекая кровью... Артиллеристы плакали, когда видели это.

А это все было зимой, когда земля была под снегом. Мы голодали. Я нашел каких-то русских и взял себе какую-то еду из их котла. Русские сказали: «*Kra, kra, kra.*» - «Ага, - подумал я, - должно быть, это ворона.» Но ничего, съел. Вот наказание, до чего твердым было это мясо. Немецкий солдат всегда найдет способ раздобыть себе еды...

Хун рассматривает фотографию.

Подпись – *Зина и Надя, Шахты, 1943.* Но это неправильная дата. На обратной стороне фотографии надпись: 3 октября 1942 г. Хайнцу на память от Нади и Зины. Внизу приписано по-немецки: *Шахты, декабрь 1942 г.*

Две красивые русские девушки Надя и Зина. Ханс Мюллер (Hans Müller) и я – мы оба... не скажешь, что были влюблены. Мы тогда два или три дня простояли на одной квартире. Вошли в Шахты, и нам сказали: «Ищите себе место, чтобы квартировать. Завтра вы пойдёте дальше.» Ну мы и вошли в первый попавшийся дом. Там и были эти две девушки. Ханс носил очки. Он снял очки, потому что они запотели. Затем я сказал: «Ханс, смотри.» Нам понравились эти две девушки. Время было военное. Мы не хотели что-то такое сделать с ними, да у них такого желания и не было. Ну, мы тогда

сказали им: «Ваша мама здесь, а где ваш отец?» - «Ох, папы нет...» Тогда мы спросили: «Ваш папа – партизан?» - «Нет, нет, вовсе нет.»

Хун переворачивает страницу фотоальбома.

Это опять я. Здесь я выгляжу, как русский. Было так холодно, что мы наворовали у русских одежды. Тогда-то один немецкий солдат сказал мне, когда мимо нас маршировали пехотинцы: «Друг, будь осторожнее, а то подумаем, что ты - русский, и пристрелим тебя.»

Я делал эти снимки, когда мы еще поклонялись Гитлеру и верили, что еще можем выиграть эту войну. Но Сталинград заставил нас задуматься по-настоящему, хотя мы были еще очень молоды, по 22 года. Мы заметили, что у русских полно людей и техники. К ним постоянно приходили подкрепления: бесчисленное количество танков и, особенно, людей. Я хорошо помню, что им, должно быть, давали водку (schnapps). Бухали они здорово, честно скажу. Русские очень равнодушны к водке. И этот крик... Мы слышали крики подвыпивших русских, которые прорвались – «Ура! Ура!» из тысяч глоток, - и тут же, молниеносно, начинали готовить пушки к бою.

Альберт Зиверт (Albert Siewert) был возчиком на санях. Как-то русские оказались совсем близко от нас. Мы были под обстрелом, по нам стреляли танки. Зиверт стоял рядом со своими санями, и тут раздался взрыв... Облако дыма. Лошадь Зиверта была ранена и рухнула на землю, а он стоял, бледный как мел, но его даже не задело. Снаряд разорвал лошадь, но каким-то образом это остановило осколки, которые чуть ли не все впились в нее...

Хун переворачивает страницу фотоальбома.

В 1943-м мы морально мы были опустошены. Тогда-то нас и послали в Италию. Разница была как между ночью и днем. Прежде всего, там везде было местное население. Кормили нас намного

лучше. Были молодые девушки. Вот фото двух итальянских девушек - их мать готовила нам еду. Две девушки, которые разожгли в нас огонь. Однако, ничего между нами не было, просто ходили с ними в кино, я и Мюллер. С ними мы здорово флиртовали...

На войне у меня было много адресов полевой почты, по меньшей мере, пять. Одну часть разбили – попадаешь в другую. Сначала немного стесняешься, потому что в предыдущей все знали друг друга, и в ней ты чувствовал себя, как дома...

Хун переворачивает последнюю страницу фотоальбома.

Это мой младший брат, Фреди. Вот двое моих братьев в гражданском – они оба не вернулись с войны.

В июле 2011 г. Хайнц Хун умер.

<http://facingstalingrad.com/>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org